

Лев Власенко (www.refantasy.com), 2010

Койки Безбородый против Обезглавленного Идола

Давным-давно леса, реки, горы и моря населяли безымянные боги: повелители древних сил огня, воды, ветра и земли. А высоко, над небесами жили покровители людей — молодые боги нового времени.

Так продолжалось до тех пор, пока молодым богам не сделалось тесно в их Небесной Тростниковой Равнине. Они приняли решение спуститься в Срединный Мир, но случилось так, что первая пара молодых богов ступила не на твердую землю, но оказалась посреди бушующего моря. Чтобы не утонуть, они ударили по воде копьем и сотворили Стрекозы острова. При этом поднялась гигантская волна, которая обрушилась на владения древних земных богов. Сметая все на своем пути, волна до неузнаваемости изменила побережье. Погибло много людей, а древние боги и духи оказались разбросаны по чуждым им землям.

Испуганные, израненные и обозленные, они не понимали причину своих бедствий и винили во всем людей. Желая отомстить за свои страдания, древние боги обрушили на смертных неисчислимые бедствия. Чума начала косить города и деревни, засуха уничтожать посевы, яд ненависти просочился в сердца людей и стал причиной войн.

Но среди людей нашлись те, кто понимал и новых, и старых богов. Те, кто бросал вызов бессмертным духам и подчинял их своей воле. Те, кто мог использовать мистическую силу как во благо, так и во зло. Одним из таких людей был одинокий странник, путешествующий по устью Черной реки, царству Горянь и по Стрекозым островам. Странник, которого люди прозвали Койки Безбородый.

Жизнь Четвертого Ли превратилась в сущий кошмар с тех пор, как он связался с северянином по имени Койки Безбородый. Ли и раньше не считал себя удачливым человеком, но теперь ему стало ясно — в прошлом своем земном воплощении он сильно прогневил богов, и они решили в отместку жестоко покарать его.

Койки вставал еще до восхода солнца, и весь день проводил на ногах. Приходилось поспевать за ним и уже через неделю постоянной ходьбы ноги Ли превратились в две сплошные мозоли. Он не раз думал о том, чтобы сбежать от своего мучителя, но ему мешал говорящий ворон по имени Курасно, который сопровождал Койки и ночью нес стражу над спящими мужчинами. Однажды Ли проснулся среди ночи и услышал странный разговор. Северянин о чем-то препирался со своим пернатым спутником.

— Ты не держишь слова, — возмутился Курасно.

— Уймись, — попросил колдун. — Ты обещал старейшине.

— Итаксир поймал меня в ловушку, — пожаловался ворон. — Я не мог отказаться.

— Раз так, то не смей возмущаться, — отрезал Койки.

Ворон в ответ клацнул клювом и зло свернул глазами.

— Берегись, Безбородый, — заворчал Курасно. — Играя с огнем, можешь обжечь и самого себя. Берегись.

Койки не обратил на него внимания, повернулся на другой бок и захрапел. Когда Ли подхватил свой мешок с твердым намерением сбежать — проклятая птица разбудила хозяина.

— Когда мы прибудем в город Кая — можешь идти на все шесть сторон света, — сообщил северянин, протирая глаза.

— Шесть сторон? — недоуменно переспросил Ли.

— Восток, Запад, Север, Юг, — начал перечислять дикарь.

— Верх, — каркнул ворон. — И низ.

— Есть еще Страна Снов, — зевнул Койки и снова закрыл глаза. —

Но в ней действуют те же направления.

Койки Безбородый мог сойти за безумца, не будь он колдуном. Четвертый Ли не сомневался в способности северянина путешествовать и в Небесную Тростниковую Равнину, и в подземное Царство Желтых Источников. Сам же Ли никакими невероятными способностями похвастать не мог. Он был сюцаем, недоучившимся чиновником, младшим сыном торговца-простолюдина, а все его колдовские таланты ограничивались фокусами с исчезающей монетой и прочими трюками мелкого жулика. Поначалу Ли не мог сообразить, зачем могущественный чароплет обременяет себя обществом столь ничтожного спутника, но вскоре понял — Койки Безбородый был совершенно беспомощен в мире людей. Он бесконечно задавал глупейшие вопросы о царстве Гарянь, о его столице, городе Кая, о людях, о законах, о любой мелочи, которая тут же захватывала внимание дикаря и заставляла его начинать невероятно длинные и наивные рассуждения, слушая которые Четвертый Ли был готов взвыть от тоски.

Лишь за одно Четвертый Ли был благодарен своему мучителю — тот был отменным охотником и каждый вечер спутники ели свежее жаренное мясо. Койки превосходно читал следы зверей, ловил слабейший запах и бил без промаха. Камнем из пращи, копьем и своим кинжалом. Когда Ли заметил, что с луком, наверное, колдуну тоже нет равных — тот только посмеялся.

Именно необходимостью охотиться Койки объяснял свою нелюбовь к проторенным дорогам.

— Там звери напуганы, — сказал он, когда Ли предложил выйти на большак. — Мы у дороги ничего не поймем.

— Зато мы можем встретить торговцев, — юноша настаивал на своем. — Спорю, что ты своим колдовством сможешь убедить их поделиться с нами припасами.

— Поделиться? — удивился Койки. — Как это?

Ли тут же проклял свой длинный язык. Поначалу он объяснял невежественному дикарю, что самому гонять дичь или тем более гнуть спину на поле — занятие для низкого и подлого люда, и нет ничего зазорного в том, чтобы добывать себе пропитание чужими руками. Но северянин и слушать не желал. В его краях, видите ли, каждый должен был кормиться своим трудом. Кому какое дело до порядков каких-то необразованных дикарей?.. Но сказанного было не воротить. Узнав, что Ли ни разу в жизни не держал в руках сеть, охотничье копьё или плуг, Койки взялся «учить» своего спутника.

Вот тут и начались неприятности.

2

Ближе к дорогам и человеческому жилью дичь и вправду становилась пугливее и мельче. Немногие встреченные на пути люди тоже были изголодавшимися и напуганными. Завидев двоих мужчин, они прятались в придорожных зарослях. Четвертый Ли их не винил. Койки Безбородый мог напугать кого угодно и без внушительного кинжала, который он носил за веревочным поясом. Лицо и руки шамана были покрыты татуировками: черные змеи вились по его пальцам и запястьям, а губы скрывала демоническая улыбка в форме полумесяца.

Только однажды им удалось заговорить с группой крестьян. Те были вооружены и везли свой жалкий скарб на запряженной волами телеге. Но даже будучи в большинстве, они держались осторожно и испуганно, как стадо овец.

— Здравствуйте, — с неизменной вежливостью склонил голову Койки.

Крестьяне вразнобой забубнили слова приветствия в ответ.

— Откуда путь держите? — спросил шаман.

— С пепелища, — зло буркнул один из беженцев, а другие запричитали, подтверждая его слова.

— Сгорела ваша деревня? — удивился северянин.

— Сожгли ее, — поправил крестьянин. — На границе с царством Керим мы жили. Раньше там тоже стычки бывали, но теперь наш ван войной на них пошел. Где армия пройдет — одни головешки и останутся.

— Да разве войска Керим побеждают? — встрял в разговор Четвертый Ли. — Я слышал, ноги их на земле Гарянь не было.

Крестьяне переглянулись и заворчали.

— Да не вражеская армия деревню сожгла, — нехотя добавил их предводитель. — Наша.

— И куда вы теперь? — сочувственно спросил Койки.

— Подальше, — честно признался тот. — Плохие наступили времена. Война, голод, иные напасти. Там, где войны нет, и того хуже: призраки и духи подземного мира людей губят. А все из-за болезни вана...

— Болезни? — переспросил шаман.

— Да только про это все и говорят. Известно ведь, что если страдает правитель — страдает и Поднебесная. А у правителя дурные сны и видения. Врачи и колдуны со всей округи идут во дворец, чтобы стяжать славу спасителей царства.

Койки поблагодарил крестьян за рассказ и еще сильнее укрепился в желании идти в столицу. Четвертый Ли считал этой глупостью, но не уже не возражал. Город Кая был богатым и процветающим, и к тому же был обнесен высокой стеной, заговоренной могущественными горными старцами. Ни один злой дух или призрак не мог миновать их, а значит, там

он наконец-то сможет избавиться от проклятого надсмотрщика-ворона. Не стоило, конечно, забывать и о том, что в Кая Ли мог столкнуться с кем-то из своих старых знакомых, которым задолжал немало денег, но после своих скитаний, едва не закончившихся голодной смертью, неудавшийся чиновник был готов пойти на любой риск.

Попрощавшись с крестьянами и пройдя еще немного по дороге, Койки решил повернуть в лесную чащу, чтобы добыть мяса на ужин. Ли предпочел бы порыбачить (так легче было изображать энтузиазм), но реки рядом не оказалось. Отыскав две подходящие палки, Койки предложил сделать из них копья. Быстро заточив свою, он передал кинжал Четвертому Ли. Юноша мученически вздохнул, принимая оружие. Судя по всему, ему предстояло долго скрести по дереву тупой варварской железкой. К удивлению Ли, лезвие легко срезало толстую стружку и едва не поранило ему руку.

— Какой острый! — восхитился сюцай. — Даже не верится, что такую красоту дикари сделали.

Койки не ответил. Он не стал рассказывать, что клинок был выкован и заточен не северянами. Когда жители деревни Нупики-уси нашли в реке корзину с маленьким Койки, при нем был только этот кинжал с костяной рукояткой...

— Отправь своего ворона на охоту, — предложил Четвертый Ли, продолжая стругать палку. — Он вмиг нам птицу добудет.

Шаман устало вздохнул. Он знал, что охота не доставляет его спутнику удовольствия. Койки и раньше приходилось иметь дело с южанами, но Четвертый Ли даже среди них выделялся постоянными жалобами. Днем сюцай страдал от жары, ночью замерзал; когда дождя не было — он проклинал духоту, когда шел дождь — стучал зубами и прятался под деревьями. Дорога раздражала его пылью, а лес иголками и колючками. Сам же Ли кого угодно мог вывести из себя постоянными

упреками и сетованиями на свою нелегкую жизнь. Пробыв в обществе неудавшегося чиновника совсем немного времени, Койки Безбородый был вынужден признать, что проблема Ли не в происхождении или воспитании, а просто в дурном характере. Но Койки молчал. Он взял неловкого юношу в спутники, чтобы научиться ладить с южанами, и твердо решил достичь поставленной цели.

— Я говорю, ворона надо послать, — повторил Четвертый Ли.

— Во-первых, Курасно мне не принадлежит, — начал объяснять шаман. — Он придет на помощь, только если мне будет грозить серьезная опасность. Во-вторых, он не ест других птиц. В-третьих, тебе он вообще помогать не будет.

— С чего бы ему тогда за тобой следовать? — возмутился Ли.

— Он связан обещанием, — туманно ответил шаман. — К тому же благодаря мне он может вкусно покушать.

— Что же он ест, если не других птиц?

— Человеческие души, — Койки Безбородый слегка улыбнулся.

Четвертый Ли открыл рот, потом резко закрыл. И принялся покорно стругать палку.

— Вот, погляди, — через некоторое время он протянул шаману результат своей работы.

Койки подивился кривизне остря.

— Не годится, — бросил шаман.

Четвертый Ли раздраженно ударил по палке ножом так сильно, что поранил себе руку. Северянин молча отобрал у него незаконченное копьё и доделал его несколькими умелыми движениями.

— Чему же я в итоге научился? — съязвил Ли, перетягивая повязкой кровоточащую руку. — Открыл новый способ себе навредить?

— Замолкни, иначе заснешь голодным, — пригрозил шаман.

— Мог сделать все сам сразу, — возмутился южанин. — Зачем было меня заставлять?

— Я мог сразу позволить тебе умереть голодной смертью, — напомнил Койки.

— За кем будем охотиться? — с показным энтузиазмом спросил Ли, принимая исправленное копьё.

— На оленей или кабанов.

Ли присвистнул.

— Станут они ждать, пока мы подойдем на расстояние удара! А бросать эти жерди... уж лучше камнем!

— Камнем можно оглушить, но только если попасть в голову. Копьем можно глубоко ранить и идти по следу, пока зверь не ослабнет, — пояснил Койки.

— Как я уже сказал, зверь даже не позволит нам к нему подобраться, — упрямылся южанин.

— Позволит, — пообещал Койки. — Я знаю способы обмануть ветер.

Вооружившись копьями, спутники углубились в лес. Койки, как всегда, шел по одним ему ведомым приметам, Четвертый Ли откровенно скучал. Он как раз собирался громко и протяжно зевнуть, как вдруг шаман неожиданно замер, втянув голову в плечи.

— Что такое? — поинтересовался сюцай.

— Тише, — прошипел северянин. — Не то спугнешь.

Буйно разросшиеся кусты зашевелились. Койки приготовился метнуть свое копьё, но Четвертый Ли опередил его. Сильно размахнувшись, он запустил в источник шума криво заточенную палку. Копьё с грохотом ударилось о древесный ствол и отлетело, едва не прибавив незадачливого охотника. Четвертый Ли перепугано отпрянул, поскользнулся на настиле осенних листьев и растянулся на земле. Койки

выругался на своем родном языке, что с ним случилось крайне редко. Из кустов шарахнулся испуганный белый олень. Мотая головой из стороны в сторону, он пронесся мимо спутников, едва не подняв их на свои увесистые рога.

В наступившей тишине было слышно, как Четвертый Ли почесал ушибленную голову.

— Что я сделал не так? — спросил он, ожидая очередного нагоняя.

— Олень тебя учуял, — объяснил Койки.

— Я стоял рядом с тобой, — прошипел Четвертый Ли. — С чего ты взял, что зверюга учуяла меня, а не тебя?

— Потому что я не желал ему зла, — возмутился Койки. — Животные чувствуют злобу и страх.

— Как можно убить кого-то, не желая ему зла?!

— Да только так и можно, — прорычал шаман, потом усилием воли разжал кулаки и глубоко вздохнул.

Он поднял копье Ли и осмотрел расшибленное острие. После чего выбросил испорченное оружие.

— А где твое? — поинтересовался южанин. — Струсил и выронил?

Вместо ответа, Койки указал на землю. На желтых листьях алела дорожка из крови. Ли огорченно вздохнул. Радоваться оставалось лишь тому, что спать они не лягут на голодный желудок...

3

Когда спутники шли по следу раненного животного, Четвертый Ли представился случай еще раз продемонстрировать свою природную неловкость и умение попадать в неприятности. Переходя узкий, но быстрый ручей, он поскользнулся, не смог удержать равновесие и схватился за Койки. При этом растяпа оборвал волшебный амулет шамана

и скинул его в воду. Несмотря на все попытки выловить его, камушек-амулет позволил холодному ручью унести себя вниз по течению, затерялся в разросшейся ряске и заторах из веток и, пока горе-охотники копались в них, незаметно выскользнул и унесся в неведомые дали.

Ли обреченно ждал наказания от своего мучителя, но Койки воспринял потерю талисмана на удивление спокойно.

— Это была неважная вещь? — облегченно спросил Ли.

— Магатама? — переспросил Койки. — Почему неважная? Важная. Очень важная.

Южанин начал извиняться, но шаман, недослушав, прервал его.

— Если магатама потерялась, то у нее были для того причины.

Спутники вернулись вверх по течению к тому месту, где амулет упал в воду, но не смогли найти оленьих следов.

— Не может быть, чтобы мы ошиблись, — сказал Ли. — Вон тот камень я хорошо помню, на нем и поскользнулся...

— Ты на голом камне поскользнулся, а этот весь мхом порос, — заметил Койки.

— Мы заблудились? — удивился южанин.

— Похоже на то...

Койки опустился на колени и начал руками перебирать влажную грязь, смешанную с гнилой травой.

— Никаких следов оленя, — заключил он. — А ведь мы шли точно по руслу реки.

— Реки?

— Это не ручей, а река, — пояснил северянин. — Сейчас она пересохла, но с первыми дождями быстро наберет силу.

— Что будем делать? — спросил Четвертый Ли.

— Курасно, слетай, посмотри, в какой стороне дорога, — попросил Койки.

Ворон каркнул, взлетел и описал над спутниками широкий круг, после чего исчез.

— Он ведь нас не бросит? — заволновался сюцай.

— Нет, — Койки покачал головой. — Он связан обещанием.

Не прошло и получаса, как Курасно вернулся.

— Дорога совсем недалеко, — сказал он, присаживаясь на ветку. — Следуйте за мной, я вас выведу.

Койки и Ли поспешили за вновь взмывшим в небо вороном. Они торопливо продирались сквозь заросли кустарника, перебирались через поваленные деревья, прыгали через ручьи... И к своему удивлению, вновь вышли к пересохшей реке.

— В чем дело, Курасно? — возмутился северянин.

— Колдовство, — каркнул ворон.

Койки невозмутимо хмыкнул, словно давно догадался и предвидел тщетность попыток вернуться к дороге. Четвертый Ли, и без того изрядно напуганный, совсем побледнел, но твердо решил не падать духом. Колдун уже доказал ему, что может и без помощи своей птицы выпутаться из переделки.

— Поднимемся выше по ручью... то есть по реке? — нервно предложил Ли. — Так мы сильнее не заблудимся.

— Согласен, — кивнул Койки.

Они продолжили движение по высохшему речному руслу, которое Ли сначала принял за длинный овраг. Путешествие с Койки Безбородым отучило Четвертого Ли бояться опасностей, которые подстерегали неосторожного путника в глуши. Казалось, для колдуна-северянина не было незнакомых или неведомых троп и даже в самой густой чащобе он чувствовал себя как дома.

— Не нравится мне лес, — сказал Ли, опасливо поглядывая на облетелые деревья.

Койки снова кивнул.

Река еще несколько раз вильнула и уткнулась в высокий обрыв, с которого срывалась тонким водопадом. К шуму разбивающегося о камни потока примешивался странный, зловещий скрип.

Спутники переглянулись, Койки сжал в руке кинжал, а Ли сбавил шаг и пропустил северянина вперед, готовясь в случае опасности спрятаться за его широкую спину.

Но их опасения были напрасны. Источником странного шума оказалась старая, заброшенная водяная мельница. Падающей воды едва хватало, чтобы неторопливо двигать прогнившие, кое-где прорванные лопасти. Рядом с движущей частью мельницы стоял маленький, запущенный домик смотрителя. Когда река была полноводной, водопад и запруда под ним, должно быть, представляли собой зрелище редкой красоты. Но сейчас пересохшая река не успевала снести накапливающийся мусор, водоем источал зловоние и над ним гудели насекомые.

— Колесо слишком маленькое, чтобы молоть зерно, — удивился Ли. Койки заглянул в домик смотрителя.

— Никаких жерновов нет, — сказал он.

Ли осторожно подошел к стонущим лопастям, потрогал привязанные к ним веревки и выцветшие, некогда разноцветные флажки.

— Может это дом речного дракона? — предположил южанин.

— Или святилище другого бога, — согласился шаман.

Койки уже собирался двинуться дальше, как вдруг заметил белое пятно у деревьев, окружающих запруду. Он тут же схватил Четвертого Ли, жестами приказывая ему молчать.

Олень вышел из чащи, огляделся и, не замечая людей, побрел к воде. Он заметно прихрамывал, а из раны боку тянулась струйка запекшейся крови. Склонив голову к грязной воде, раненое животное принялось жадно глотать ее. Койки не шевелился, продолжая сжимать плечо Ли. Олень

напился, поднял голову и посмотрел прямо в глаза северянину. Потом развернулся и неторопливо скрылся среди поросших мхом древесных стволов.

— Вот уж повезло, — присвистнул Ли.

— Не думаю, — покачал головой шаман. — Нельзя было на него нападать.

Ли недоуменно посмотрел на своего спутника.

— Мы на священной земле. Во владениях духа или древнего бога, — пояснил Койки. — Олень ведет нас за собой. Хочет что-то показать.

— Уйдем отсюда? — предложил Ли.

— Не поможет, — нахмурился Койки. — Мы только заблудимся еще сильнее или просто вернемся сюда. Лучше последуем за оленем.

Четвертый Ли вздохнул и предоставил шаману идти первым. Они обогнули запруду и последовали за цепочкой четких следов. Совсем недолго поблуждав по лесу, Койки остановил Ли, ушел далеко вперед, раздвинул мешавшие ветки и громко что-то выкрикнул на своем родном языке.

— Что там? — испугался Ли.

— Ты ни за что не поверишь, пока сам не увидишь, — сказал Койки.

— Что? — южанин продрался сквозь кусты, да так и застыл с раскрытым ртом.

Лес резко заканчивался, и вместо карликовых елей подлеска упирался прямо в волнующееся море золотой пшеницы.

Койки присел и осторожно сорвал колосок.

— Спелая, — заметил он.

— Поле пшеницы поздней осенью! — присвистнул Четвертый Ли. — Слушай, а как насчет того, чтобы собрать пару мешков и продать тем бедолагам с большака?..

Шаман с осуждением посмотрел на своего спутника.

— Во-первых, у нас нет мешков, — заявил он. — Во-вторых, мы должны скорее рассказать голодным людям... Хотя нет, у этого сокровища уже есть хозяева. Посмотри-ка.

По тропинке, разделяющей волнующееся золотое море на два равных квадрата, шла группа людей. Ослепленные невероятным зрелищем, Койки и Ли не сразу заметили их, хотя процессия представляла собой необычайное зрелище: все ее участники были в ярких одеждах, с цветными бумажными фонариками и лентами в руках. Обнаженные по пояс мужчины несли на плечах массивный богатый паланкин, внутри которого покоился деревянный истукан в форме сидящего человека. Грубо вырезанное лицо идола широко раскрывало рот и скалило тигриные зубы.

— Лучше нам уйти, — нервно предложил Ли.

— Не думаю, что они осквернят насилием священное поле... — сказал Койки.

— Значит, нас сначала отведут в лес, — буркнул неудавшийся чиновник. — Вряд ли они чужакам обрадуются.

— Не беспокойся, Курасно нас в обиду не даст, — шаман покачал головой. — К тому же на все равно уже окружили.

Ли затравленно оглянулся. Заскрипели ветки, и из лесу вышла группа мужчин в цветных звериных масках и ярких праздничных нарядах, с вилами, дубинами и серпами на изготовку. Койки медленно вытащил из-за пояса клинок и положил его на землю.

— Мы не со злом пришли, — сказал он. — Уберите оружие.

— Как же, не со злом! — фыркнул воин в маске леопарда. — Зачем лицо боевой раскраской покрыл, если не со злом пришел?

— Это не краска, а татуировка, — объяснил Койки.

— Нам тут незваные гости не нужны!

— Идем отсюда, Четвертый Ли.

— Стойте!! — прикрикнул леопард, а остальные воины в масках крепче стиснули свое разномастное оружие. — Я вам не разрешал уходить.

Койки сильно нахмурился и скрестил руки на груди.

— Значит, видеть ты нас не хочешь, а уйти не даешь. Что же нам, по-твоему, сквозь землю провалиться?

Незнакомцы в звериных масках некоторое время приглушенно спорили. Койки терпеливо ждал, Четвертый Ли трясся от ужаса.

— Мы решили представить вас нашему жрецу, — сказал леопард.

— Жрецу вашей деревни? — уточнил северянин.

— Да, — подтвердил мужчина. — Мы из деревни Ликов. Я староста, меня зовут Чхуль-Мо.

— А ваше поле... — начал Койки.

— Жрец вам обо всем расскажет, — отрезал леопард. — Ежели такова его воля будет.

Грозные серпы в руках обитателей деревни Ликов не располагали к спорам, и Койки Безбородый предпочел подчиниться, а следом поплелся едва живой от страха сюцай. Крестьяне вывели своих пленников на волшебное поле и остановились посреди волнующейся золотой пшеницы, дожидаясь, пока не подойдет процессия с паланкином.

Когда носилки приблизились, Койки Безбородый увидел, что рядом с уродливым деревянным идолом на них восседал мужчина. Его возраст определить было тяжело: в длинной бороде и нечесаных волосах белела седина, но глаза его были не отягощены грузом прожитых лет и накопленной мудрости. Мужчина был одет в просторный белый балахон с широкими рукавами, отвороты которых украшали языки пламени. И во внешности, и в одежде этого человека явно чувствовалось, что он сознательно старался напустить вокруг себя тумана.

При виде Койки глаза жреца слегка расширились, Четвертого Ли он даже не удостоил взглядом.

— Кто вы? — не меняя позы, спросил жрец звучным, властным голосом.

— Люди зовут меня Койки Безбородый. Я странствую, собираю сказания и легенды, — представился шаман. — А это мой спутник, сюцай по имени Четвертый Ли. Мы здесь случайно.

— Никто не может случайно найти священное поле, — возразил жрец. — Могущественный Истинный бог покровом иллюзий защищает его.

— Значит, нас привел ваш бог, — уверенно сказал Койки. — Мы шли за белым оленем...

Крестьяне громко и враждебно зашумели. Жрец поднялся, грациозно срыгнул с паланкина и поднял руку, призывая их к спокойствию.

— Вы ошиблись, — заключил он. — Вас действительно привели, но не наш бог, а его злейший враг.

— Лесная женщина! — зло выкрикнул леопард.

— Тише, Чхуль-Мо, — вмешался жрец.

Он неторопливо приблизился к Койки, заглянул ему в глаза, жадным, пронизывающим взглядом. Шаман не шевельнулся, хотя ему хотелось отступить на шаг назад — изо рта жреца разило, как из помойной ямы.

— Истинный бог показал мне, что эти люди нам не враги, — заключил жрец, снова даже не взглянув на Четвертого Ли. — Более того, они сумели ранить проклятого оленя.

— Если не враги, что нам делать с ними? — спросил староста. — Отпустить с миром?

— На этот вопрос сможет ответить лишь великий податель пшеницы, — с выражением произнес жрец.

Он отступил в сторону, закатил глаза и раскинул руки, погружаясь в транс. Койки ожидал, что жрец заговорит, но вместо этого заговорил идол.

— Внемлите мне, смертные, — грохочущим голосом заскрежетало деревянное страшилище. — Не своими трудами, но моей милостью выжили вы в тяжелое для царства время. Вам, избранникам своим даровал я поле вечной пшеницы, что круглый год зреет под солнцем. Скажите, кто жаждет лишить вас моего взбалмошного дара?

— Взбалмошного дара? — удивился Четвертый Ли.

— Тише, — сквозь зубы шепнул ему Койки.

— Лесная женщина! — заволновались крестьяне. — Она восстает против тебя, Истинный!

— Все что идет по земле — идет согласно моей воле, — отвечал им идол.

— Идет по земле? — хихикнул Ли. — Койки, послушай...

— Молчи, глупец! — прикрикнул на него шаман.

К счастью, все внимание крестьян было приковано к идолу, и эта перепалка осталась ими незамеченной.

— Скажи, Истинный, — леопард в порыве любви к истукану упал на колени. — Скажи, со злом ли пришли к нам эти люди?

— Кроме меня и мне подобных, никто не может судить о человеке, — охотно подтвердил идол. — Сердца пришельцев полны сомнений, но было сказано, что должно дать наставления сомневающемуся, который обнажил свое невежество.

Четвертый Ли снова хотел что-то сказать, но Койки с виду легонько стукнул его тыльной стороной ладони по груди. Сюцай согнулся от боли, и больше не подавал голоса.

— Освятите их, верные, — продолжал монотонно гудеть истукан. — Расскажите о моем даре и тех, кто пытается отнять его у вас. Так заручитесь их помощью и отведете напасть.

Идол замолчал, но гулкое эхо его последних слов звучало еще долго. Побледневший жрец опустился на край паланкина и притронулся к вискам с видом человека, жестоко страдающего от сильной головной боли.

— О чем вы должны рассказать нам? — после короткой паузы спросил Койки Безбородый. — Кто хочет отнять у вас волшебное поле?

— Чухль-Мо, говори, — приказал святой человек.

Староста поднял маску и показал свое лицо. Он был недурен собой и еще не стар, но в волосах уже начала пробиваться седина. Волевое, суровое лицо портили только глуповатые, широко расставленные большие глаза.

— Дело вот как было, — начал Чухль-Мо. — Наша деревня зовется деревней Ликов, потому что наши прадеды твердо наказали всем мужчинам по достижению совершеннолетия брать себе зверя-покровителя и носить его маску.

Собравшиеся вокруг люди закивали. Все они были в надвинутых масках, искусно вырезанных и ярко раскрашенных. Были здесь волки, медведи, снежные барсы и все прочие звери, весть о которых когда-либо доходила до здешних краев.

— Мы раньше не знали, что это значит, но жрец растолковал, что так наши предки установили, что мы избранный народ, — продолжил староста.

— Жрец?.. — Койки выразительно посмотрел на отдыхающего после транса мужчину.

— Безымянный жрец, — закивал староста. — Вестник нового бога. Истинного бога!

— Чухль-Мо! — устало воскликнул жрец.

— То есть, я хотел сказать, древнейшего из богов, единственного подлинного бога — быстро поправился представитель деревни. — Просто для нас, значит, нового.

— То есть истинный бог подарил вам волшебное поле? — поинтересовался Койки.

— Нет, поле-то и раньше здесь было. Отец мой с него пшеницу брал, дед брал, — начал перечислять Чхуль-Мо. — Выходи, с тех времен, как маски установили носить, поле здесь было. То есть... я опять неправильно говорю все. Поле даровал Истинный бог, но раньше мы про это не знали. Простите, святейший, что все путаю.

— Просто говори о лесной женщине, — махнул рукой жрец. — Не рассуждай о том, чего не понимаешь.

— А, хорошо. Так вот, значит, лесная женщина...

4

Отшельница впервые побеспокоила жителей деревни Ликов погожим днем в начале осени. Все еще по-летнему жаркое солнце стояло высоко в небе, мужчины работали, обнажившись по пояс и обливаясь потом. Серпы ритмично подымались и опускались, мешки наполнялись собранным урожаем, люди трудились, подбадривая себя пением, как вдруг размеренный ход работы нарушился. Те, кто был ближе к опушке, обернулись в сторону леса, начали громко кричать и указывать туда руками.

Староста Чхуль-Мо распрямил спину и вытер лицо. Расталкивая зевак, он приблизился к черте, где поле сменялось стеной вечнозеленых елей. Тогда он впервые увидел лесную женщину. Она пришла из чащи, невысокая и полноватая, одетая по-мужски: в красные шаровары и безрукавку, подбитую мехом. Ее руки явно привыкли к тяжелой работе, ногти были коротко обрезаны и кое-где обломаны. На широком кожаном поясе висел кривой меч в грубых деревянных ножнах. Ничто в ее облике не напоминало изящную красоту городских дам или скромную

ухоженность деревенских хозяек. Бросалось в глаза, что незнакомка привыкла жить одна и жила в глуши.

Приблизившись к крестьянам, женщина обратилась к ним с такой речью:

— Вы уже были здесь несколько дней назад, набрали пшеницы, которой на всю зиму должно было надолго хватить и вам, и вашим детям. Для чего вернулись?

— Не для себя собираем зерно, — отвечал на вопрос женщины староста. — Для нашего нового, справедливого бога...

— Постой, — прервал рассказ Койки Безбородый, — почему вы вообще решили с ней объясняться? Почему сперва не выспросили, кто такая и откуда взялась?

— Да ведь она здесь почитай всю жизнь живет, — пояснил Чхуль-Мо. — Мой отец рассказывал, что и мать лесной женщины здесь жила, и мать ее матери. Но раньше мы сами ее никогда не видели и первыми не прогоняли!

Крестьяне поддержали старосту нестройными возгласами, выражающими согласие.

— Значит, «всю жизнь живет»? — задумался северянин. — Хорошо, продолжай.

— Мудрейшего тогда с нами не было, — староста покосился на жреца. — Пришлось мне отвечать на ее вопросы, а вопросы те, скажу я вам, были дерзкие...

— Я мало что смыслю в делах богов, это верно, — выслушав объяснения крестьян, согласилась женщина. — Но я не верю в такого бога, который станет морить голодом одних своих детей, а других кормить досыта.

Люди заволновались, слова женщины задели и уязвили их. Хотя Лики стояли на отшибе, в диком и негостеприимном краю, здесь все знали соседей из других деревень, обменивались с ними товаром, охотно заключали браки и вместе отмечали сезонные праздники. Так продолжалось до того, как началась засуха и каждое поселение затворило ворота и отгородилось от внешнего мира деревянными стенами частокола и еще более прочными стенами равнодушия к чужой беде. Но отнюдь не всем нравилась эта вынужденная мера. Большинство людей было не против поделиться урожаем с нуждающимися соседями, но запрет бога, переданный через жреца, был суров и не знал исключений.

Чхуль-Мо нахмурился, задумался и нехотя возразил:

— Если слух о нашем сокровище доберется до царского двора — армия отберет у нас поле, прогонит и станет собирать пшеницу для себя.

Крестьяне притихли. Все понимали, что староста говорит правду. Женщина мотнула головой.

— Для чего вам тогда пшеница? — спросила она. — Самим ведь столько не съесть и за несколько лет.

— Мудрейший приказал, наш наставник духовный.

— Где он? Покажите мне его! — потребовала отшельница.

Онемев от такой наглости, Чхуль-Мо опешил и не знал, как ответить. Видя его растерянность незваная гостья, уперла руки в бедра и громко потребовала:

— Вот что, убирайтесь отсюда, люди, — приказала она. — Убирайтесь и без своего «наставника» возвращаться не смейте, иначе бить вас буду и бить жестоко.

Терпение старосты лопнуло. Он все же был мужчиной, главой многочисленного рода, жители деревни избрали его своим головой. Не раз Чхуль-Мо разрешал ссоры, доходившие до кровной вражды, спорил с заезжавшими в Лики торговцами и в случае опасности без колебаний

хвтался за меч. Унижение от безродной женщины он стерпеть не мог, пусть даже его семья издревле окружала уважением лесных отшельников.

Подняв с земли серп, Чхуль-Мо замахнулся им, намереваясь прогнать нахалку. Женщина молниеносно рванула меч из ножен и ударила. Металл зазвенел об металл, переломленный полумесяц серпа, подброшенный силой удара, завертелся и упал в пшеницу. Староста отшатнулся, закрываясь рукой в которой по-прежнему сжимал ручку с погнутым основанием инструмента.

— Ну, пошли прочь! — крикнула она и лихо завертела клинком.

— Вы ее послушали? — любопытствовал Койки.

Чхуль-Мо кивнул.

— Как нам было не послушать? По-правде сказать вредить я ей не собирался, только припугнуть. Мы могли бы луки принести и стрелами ее отогнать, могли бы опушку вырубить так, чтобы между лесом и полем полоса голой земли осталась. Могли ночью найти ее жилище и поджечь или еще как-то навредить, если бы захотели...

— Если могли, почему не сделали?

Мужчина замялся, коснулся сдвинутой на лоб маски леопарда. Он явно не хотел в присутствии жреца пускаться в объяснения. Койки испытующе посмотрел на посредника между богом и людьми. Тот перехватил его взгляд, насупился и спрятал руки в широкий балахон.

— Почему? — северянин повторил свой вопрос.

— Есть у нас одна... история, — нехотя ответил Чхуль-Мо. — Будто бы когда люди основали нашу деревню, жил рядом с ним Хозяин леса, который по своему желанию принимал облик разных животных. Являлся то волком, то лисой, то диким кабаном...

— А белым оленем? — усмехнулся Койки.

К его удивлению, староста сильнее нахмурился и опустил глаза.

— Когда начался голод, помог вам Хозяин? — требовательно спросил жрец.

Староста мотнул головой.

— Вы напрасно меня, мудрейший, испытываете. Я не раз доказывал, что я человек ваш и вашего бога. Будет необходимость — докажу снова. Белый олень — старый дух леса, немощный. Если он когда-то добро нам и делал, то теперь не хочет или не может. Но мои предки поклонялись ему, приносили жертвы. В память о них не стану я вредить лесной женщине, если она с ним дружбу водит.

— А маски? — вклинился в разговор Четвертый Ли. — Вы их носите в память про этого лесного владыку?

— Глупое суеверие, — фыркнул жрец. — Но если в память о предках, то пусть носят. Всемогущий Истинный Бог велел чтить память матерей и отцов наших. К тому же злоешие маски чужих людей испугают.

— Значит, лесная женщина вас прогнала, — Койки продолжил расспрашивать старосту. — И вернулись вы с мудрейшим, так?

— Не боюсь я лесных духов и их посланников, — высокомерно заявил святой человек. — Когда моя паства обратилась с просьбой оградить их, я откликнулся. С тех пор не тревожила нас посланница обессилевшего демона. Боится вида истинного владыки земного и небесного, трепещет перед ним.

Он величественно взмахнул рукавом, и тем дал понять, что разговор окончен. Койки Безбородый задумался.

— Хотите, чтобы я прогнал лесную женщину? — спросил шаман.

— Да, — признался жрец. — Так хочет бог.

— Ну, так я ее прогоню, — северянин неожиданно для своего спутника расплылся в широкой улыбке.

Четвертый Ли перестал нервно оглядываться, только когда они отошли на порядочное расстояние от злополучного поля. Вид крестьян с деревянными кольями, в свирепых масках не давал ему покоя. Хотя они и не тронули побеспокоившую их отшельницу, но только из уважения к собственным пращурам. Ясно было, что любого посягнувшего или поставившего их под угрозу незнакомца жители Ликов готовы были прикончить на месте.

Сначала сюцай подумал, что Койки проявил несвойственную ему смекалку и решил, пообещав невеждам решить их проблемы, дернуть прочь со всех ног, едва золотое море скроется за плотной стеной елей. Но не тут-то было, северянин оказался безнадежен в своей дикой невежественности. Вместо того чтобы спасти свою шкуру он и вправду вознамерился искать лесную женщину.

Курасно встретил это известие по обыкновению равнодушно. Он пристроился на плече Безбородого и как ни в чем не бывало принялся чистить перья.

— Ну уж нет, в очередную переделку вам меня не втянуть! — громко выкрикнул Четвертый Ли и вознамерился идти в противоположную сторону.

Койки мягко напомнил, что к полю их привел белый олень, а значит без его ведома Ли нипочем не выйдет назад на дорогу. Это не говоря о том, что теперь они находились под неусыпным оком зловещего Истинного бога.

— Бог этих простаков поддельный! — возмутился Четвертый Ли. — Я-то думал, у тебя хватит ума заметить.

— Объясни, — попросил северянин.

— Говорит на самом деле не он, а жрец. Это искусство чревовещания. Я видел такое на вертепах в Каё. Мастера такого дела умеют передавать свой голос предметам. Святоша-самозванец хорош в своем деле, но глуп. Нахвтался где-то ученых фраз, но постоянно путает их.

— Все не так просто, — покачал головой Койки. — Будь у меня магатама, я мигом разоблачил бы обман. Но сейчас я не уверен.

— Обман, говорю тебе!

— Хорошо, их бог ложный, — согласился северянин. — Но оружие у них настоящее. А белый олень? Он тоже подделка? А речное святилище, поле пшеницы? Мы вторглись во владения неведомой силы и должны теперь соблюдать осторожность.

Ли для вида поспорил еще немного, но в душе уже смирился со своей участью постоянно попадать в передряги, которые умудрялся находить непоседливый северянин. Оставалось надеяться, что в этот раз он также неизменно найдет выход.

Хотя крестьяне подробно описали путь к жилищу лесной женщины, спутники долго блуждали, прежде чем нашли его. Удивительно долгий день заканчивался, а вместе с тем портилась погода. Небосвод затянули тучи, стало холодно и тревожно. Звери и птицы затаились, лишь зловещий скрип деревьев нарушал опустившуюся на мир тишину. Когда прячущееся в дождевых облаках солнце уже почти касалось верхушек деревьев, тропинка, наконец, вывела их на поляну, посреди которой возвышался одинокий клен. Что было удивительно для поздней осени, листва с него опала лишь наполовину — другая половина отливала алыми остроконечными листьями. В тени дерева стояла небольшая, ухоженная хижина. Возле нее безмятежно щипал траву белый олень.

— Не ошиблись, значит, — кивнул Безбородый, указывая на животное.

И тут из дома вышло самое уродливое из виденных Четвертым Ли страшилищ. Описывая хозяйку леса, крестьяне изрядно приврали: в их испуганных словах не было и доли правда о том, насколько она была уродливой. Впрочем, если бы у Ли позже спросили, чем ужаснула его незнакомка, он растерялся бы и не знал, что ответить. Пожалуй, дело было не в каких-то недостатках или дефектах, а в неуловимой манере поведения, которая отражает характер человека, да в выражении больших, широко расставленных глаз. Движения женщины были резкие и нервные, как у калеки или куклы из вертепа, взгляд — озлобленный и затравленный, довершали картину мерзкая ухмылка то и дело обнажающая кривые мелкие зубы.

Увидев перед собой такое чудовище, Четвертый Ли — знаток и ценитель женской красоты — едва сдержал испуганный вопль. Сюцай ожидал, что Койки Безбородый, едва завидев женщину, схватится за меч, но северянин в очередной раз показал свою непредсказуемость. Он даже не вздрогнул и начал с откровенным любопытством разглядывать незнакомку.

— Кто такие? — крикнула она с порога хрипловатым, грубым голосом. — С чем пришли?

— С миром, — ответил Койки.

— Вот как? А ну-ка, выйди, дай поглядеть на тебя. Ну-ну, хорош, — лесная женщина поцокала языком, разглядывая северянина. — Имен ваших выспрашивать не буду, потому что и сама представляться не хочу.

— Отчего гостям не рада, хозяйка? — спросил шаман.

— Времена лихие, — уперев крепкие кулаки в бедра, ответствовала женщина. — Мало ли кого ветром принесет? Сами как меня нашли?

— А вот он привел, — Койки указал на белого оленя.

Лесная женщина замолчала, сильно нахмурилась, и некоторое время раздумывала над словами Койки.

— Вот как... — задумчиво протянула она. — А подтвердить свои слова можете?

— Могу, — кивнул северянин. — Видишь на боку оленя кровь?

— Вижу.

— Я его ранил.

Вопреки ожиданиям Четвертого Ли лесная женщина не рассердилась, напротив, улыбнулась, а потом и вовсе весело рассмеялась.

— Охотники, да? Ну, проходите...

Она махнула в сторону дверей. Койки облегченно вздохнул, а Четвертый Ли, напротив, напрягся и схватил шамана за руку.

— Ты что, — зашептал он. — Разве не слышал, что крестьяне говорили? Хочешь мечом по спине получить? Да она нас за своего зверя мигом изрубит.

— В своем доме ни один хозяин на гостя руку не подымет, разве только защищаясь, — возразил Койки.

Ли открыл рот для возражений, но Койки уже решительно двинулся к дверям и потащил сюцая за собой. Оставалось надеяться, что он не утратил бдительности и просто дожидается возможности нанести удар.

6

Койки и Четвертый Ли вошли в дом лесной женщины. Курасно остался снаружи — он не терпел тесных, задымленных помещений. Внутри цилиндрической хижины не было никакой мебели и вообще ничего кроме самой необходимой утвари. В центре помещения трещал влажными зелеными ветками очаг. Над ним был подвешен железный котелок с кипящей похлебкой.

Четвертый Ли почувствовал, как к горлу подступает тошнота. Хотя стены не украшали черепа и скальпы, но атмосфера в хижине показалась ему зловещей и мрачной, и сюцай почувствовал себя в логове людоеда.

— Ну, присаживайся, черногубый, — пригласила хозяйка.

Сама она расположилась на шкурах у очага. Койки присел рядом. Ли, не находя себе места, отошел к стене, но садиться не решился. Вид слежавшихся, кишачих насекомыми шкур вызывал у городского жителя сильнейшее отвращение.

— Трапезничать со мной не согласитесь? — мерзко ухмыльнулась лесная женщина. — Хоть и не царский дворец...

Она искоса поглядела на сюцая. Четвертый Ли вздрогнул и сделал вид, что не расслышал.

— Однако же, чем богаты, тому и рады, — dokonчила женщина.

— Согласимся, конечно, — улыбнулся северянин, — есть хочется так, что из горла рука высовывается.

Хозяйка достала из-под ковра две глиняные посудыны, блестящие от засохшего жира. Ловко орудуя половником, женщина зачерпнула из кастрюли. Койки безропотно принял угощение, поднес к лицу дымящуюся плошку и глубоко втянул носом, как будто наслаждаясь изысканным ароматом. Четвертый Ли позеленел — варево воняло не хуже могильника. Но северянин этого словно не замечал. Прищурившись, он отхлебнул и громко ахнул от удовольствия. Сюцай едва не стошнило, когда Койки Безбородый протянул ему плошку с дурно пахнущим варевом.

— Выпей, — приказал шаман.

— И не подумаю, — возмутился сюцай, — не буду я эту гадость пить!

— Пей! — Койки нахмурился.

Ли отшатнулся, закрылся рукавом. Он увидел, как мерзко улыбнулась лесная женщина и все понял. Она одурманила Койки, опоила

его своим колдовским варевом. Нужно было бежать, позвать Курасно на помощь...

«А что ему до ваших бед? — промелькнула тревожная мысль. — Койки не раз говорил, что без крайней нужды ворон не станет ни во что вмешиваться...»

— Пей! — голос северянина хлестанул его как плеть.

Более не владея своим телом, Ли зажмурился, схватил протянутый сосуд и выпил. Варевое оказалось густым, липким, горячим... и неожиданно вкусным. Несчастный сюцай, приготовившийся набрать полный рот гнили, проглотил похлебку. Когда он открыл глаза, то удивился, как резко и быстро изменилась погода. Тучи рассеялись, а в окна хижины заглядывало яркое, заходящее осеннее солнце, его лучи тонкими алыми нитями проникали сквозь щели в стенах и шарили по полу. Гнетущая, злая аура окружавшая жилище отшельницы испарилась, улетучилась как дурной сон. Вместо демоницы у очага сидела приятная, немолодая женщина с грубым, но улыбчивым лицом.

«Заколдовала! — в ужасе подумал Ли. — Теперь всему конец...»

— Неплохо, черногубый, — похвалила хозяйка. — Как догадался? Никаких амулетов на тебе не вижу.

— А тебе меня провести и не удалось, — хмыкнул Койки. — Вот спутник мой от страха ног под собой не чувствует. Садись, Четвертый Ли. Слышишь? Хозяйка нарочно навела на себя морок, чтобы пугать незваных гостей. Разделив с ней трапезу, ты перестал быть здесь чужим.

Четвертый Ли недоверчиво посмотрел на шамана, но все же согласился присесть на шкуры, которые, как оказалось, были чистыми, мягкими и теплыми. Наблюдая за своими гостями, отшельница тихонько засмеялась.

— Провести не удалось... а все-таки, с чем пожаловал, черногубый? — спросила хозяйка. — Только не говори — взглянуть на красавицу. Не

поверю

ведь.

— Правду сказать, видел я красавиц, живущих в глуши, — признался северянин, — да только под твоим кровом лучше, безопаснее.

Он назвал свое имя, как всегда, прибавив, что путешествует, собирая легенды и сказания, потом представил хозяйке Четвертого Ли. Женщина снова усмехнулась.

— Ну, льстец-краснобай, ну мастак. Видно, и губы твои в черный цвет закрасили, чтобы раздвоенный язык не замечен был. Признайся лучше, прислали тебя дурни из деревни Ликов — прогнать меня, а то и убить.

— Прислали, — согласился Койки.

— И что? Будешь ножом угрожать, молитвы читать и злых духов призывать?

— Не буду.

Отшельница прищурилась, Койки неподвижно сидел на своем месте и неторопливо угощался похлебкой. Четвертый Ли неуютно поерзал и решил вклиниться в разговор.

— Мы им не поверили, — сказал он и не упустил возможности похвастать. — Я сразу понял, что дело нечисто. Деревянный истукан никакой не бог, а просто гнилушка. Говорит вместо него на самом деле этот безымянный проходимец, морочит голову невежественным крестьянам.

— Ишь ты, «сразу понял»! — хмыкнула отшельница. — То-то минуту назад готов был отсюда сломя ноги бежать, думал, следующим после кабана в мой котел попадешь. Э нет, скажу я вам не так прост безымянный жрец, как вам думается.

— Расскажи нам про поле, — попросил Койки, — и про деревянного идола.

Женщина задумалась, заговорила тихо и осторожно, тщательно взвешивая каждое слово.

— Про идола я ничего не знаю, — призналась она. — Кажется, жители деревни его посреди поля нашли. Будто бы по дождю он вырос, как диковинное дерево.

— Значит, земля и вода отторгают его, — пробормотал шаман.

— Не знаю, правда то или нет, — повторила женщина. — А вот про поле мне точно известно. Знаю, что в голодные годы и раньше оно приносило урожай, даже в самые холодные или засушливые дни. Жители Ликов этого не помнят, потому что их родителям строго было наказано держать чудо в тайне даже от собственных потомков.

— Как же ты все знаешь? — не удержался от вопроса Четвертый Ли.

Лесная женщина растерялась. Она заколебалась, явно не зная, что ответить.

— Твоя семья под запрет не попадала, — подсказал северянин. — Староста мне рассказал, что с давних пор в здешних лесах жили отшельники, которые почитали древнего лесного бога.

— Да, ты прав, — быстро согласилась хозяйка и с благодарностью посмотрела на Койки.

— Только люди из деревни Ликов могут найти туда дорогу к полю?

Лесная женщина смущенно кивнула. Четвертый Ли обратил внимание, что ее руки нервно теребили край безрукавки.

— Почему? — спросил Койки.

— А зачем тебе знать-то, Безбородый? — нахмурилась дикарка. — Ну, положим, есть у нас одна легенда. Будто бы прадед нынешнего старосты в голодный год спас смерти белого оленя. За это рогатый и вывел его к волшебному полю.

— Мы оленя не спасали, — заметил шаман. — Наоборот, охотились на него и едва не убили. Зачем он нас за собой повел?

— Не вас, а тебя, черногубый, — поправила женщина. — Он понял, что ты можешь помочь несчастным из деревни Ликов.

Шаман долго молчал, раздумывая над словами лесной отшельницы. В очаге потрескивали поленья, а улице протяжно, тоскливо каркал Курасно. Четвертый Ли не сомневался в выборе своего спутника. Конечно же, сейчас могущественный колдун раздумывает над тем, как лучше покарать лжежреца и убедить в своей неправоте невежественных крестьян...

— Нет, — отрезал Койки.

Женщина молчала, выжидающе глядя на него. Она ждала объяснений.

— Белый олень ошибся, — сказал северянин. — Я не стану помогать тебе.

— Почему?

— Я выслушал две истории: жреца и твою. Ни одна сторона не убедила меня в своей правоте. Когда мы следовали за оленем, я потерял свою магатама. Теперь я вижу, что она потерялась нарочно. Чтобы научить меня делать выбор и принимать решения.

— И ты решил...

— Решил не решать, — хмыкнул Койки. — Любой мой выбор не принесет людям счастья. Пойду против оленя — отниму у крестьян волшебное поле, пойду против жреца — отниму веру и надежду, которую дает им этот идол. Независимо от моего выбора, последствия буду губительными, и люди возненавидят меня.

— Значит, вот так опустишь руки и уйдешь? — разочарованно сказала женщина.

— Да, уйду. Отправлюсь в Каё, столицу царства Керим.

— В Каё, значит... — протянула женщина. — Слыхала я, мрачные тучи сгустились над столицей. Дескать, в нынешнем неурожае болезнь правителя виновата.

— В этих словах есть доля правды, — кивнул Койки и неожиданно для Четвертого Ли предложил. — Идем с нами.

— Я? А мне-то что в столице делать?

— Если хочешь помочь людям, надежнее бороться с причинами, а не с последствиями.

— А как же...

— Крестьянам скажу, что ты больше их не побеспокоишь, — перебил ее Койки. — Пусть думают, что я жрецу поверил и тебя прогнал.

Настала очередь лесной жительницы надолго замолчать.

— Пойду, — наконец решилась она. — Хорошо, Безбородый. Уговорил, пойду с тобой.

Койки облегченно вздохнул. Было заметно, что решение женщины обрадовало его.

— Тогда вы вдвоем ждите здесь, а я с крестьянами переговорю. Курасно!

Шаман выглянул в окно.

— Оставайся здесь, Курасно. Стереги дом. Ты тоже оставайся здесь, Четвертый Ли.

Северянин склонился в низком поклоне, открыл дверь и скрылся в сгущающихся сумерках.

— Дорогу-то обратно найдешь, черногубый? — крикнула ему вслед отшельница.

Койки не ответил, то ли не слышал, то ли не счел нужным объяснять.

Когда Койки ушел, лесная женщина оглядела стены своего дома с неожиданной тоской и глубоко вздохнула.

— Напрасно я на его уговоры поддаюсь, — она сокрушенно покачала головой. — Всю свою жизнь я прожила здесь. Сколько себя помню, видела только эти стены, клен, что растет напротив, да это синее небо.

— Ну, небо-то везде одинаковое, — Четвертый Ли неуверенно улыбнулся.

— Ты прав, — согласилась отшельница, — все под одним Небом. Так раньше говорили. До того как людей стало слишком много. Много людей, много мнений, много царств, много богов, много небес. Может не так глуп ложный жрец с его Истинным? Может, он прав? Старый мир разрушен, новый охвачен войной. Сейчас люди готовы ухватиться за любой символ надежды на лучшую жизнь. Даже за пустой деревянный идол. Но я все равно их люблю, пусть они трижды дураки и невежды. Я бы лучше осталась, помогала бы им, чем могла. Смирилась бы даже с этим проходимцем и его истуканом...

Она замолчала, Четвертый Ли почувствовал себя неудобно. Лесная женщина не выглядела старой, но было в ней нечто, неподвластное его пониманию, нечто древнее, первозданное как ветер, вода или пламя. То была дикая первозданная сила, безжалостная к человеку, но одновременно ласковая, как ладони матери. Сила способная дарить и отнимать жизнь.

— Если не хочешь, зачем соглашаешься с ним? — спросил Ли.

— Ему нельзя отказать, — уверенно произнесла женщина. — Потому что он не равнодушен, пока еще не равнодушен. Он не успел ожесточиться, не успел понять людей. Я уверена, если бы он их понимал, то не стал бы помогать. Мне кажется, он тоже это знает. Потому торопиться, хочет успеть спасти царство Гарянь до того, как очерствеет

сам. Когда источаемое людьми зло проникнет в его душу, твой друг опустит руки, удалится в горы, так поступают все мудрецы. Поэтому я помогу ему, пока еще у него есть силы бороться со злом.

— Откуда ты знаешь? Вы говорили совсем недолго и...

— Я видела его душу, прервала его отшельница. Он открыл мне ее, как я открыла ему свою. Между нами не может быть тайн или недосказанности. Мы становимся друзьями или врагами.

— Между вами?..

— Вы называете нас заклинатели четырех стихий, — женщина улыбнулась. — Колдуны, чароплеты, небожители, бессмертные... У нас много имен и здесь, на юге, за именами уже не видна суть. Но Безбородый пришел с севера, из чистой земли. Поэтому он сильнее меня, и я должна повиноваться ему.

Сюцай смущенно замолчал. Он был отнюдь не глуп и твердо понимал, что есть вещи превыше его понимания, от которых следует держаться подальше. Но он чувствовал, что лесная женщина говорит правду. Между ней и Койки действительно было сходство в манере речи и поведения. Они разнились как два непохожих сосуда наполненных одной жидкостью.

Солнце скрылось за горизонтом, настала ночь. Поэтому Ли не сразу заметил сидящего на окне ворона черного против потемневшего неба.

— Я улетаю, — сказал Курасно. — Койки Безбородый в опасности.

Прежде чем сюцай смог что-то сказать, ворон вспорхнул и растворился в ночи. Лесная женщина сидела неподвижно, ее лицо оставалось равнодушным и отстраненным, как будто своим внутренним взором она обзревала какие-то невидимые края. Потом ее глаза вдруг прояснились, в них промелькнул холодных, колючий блеск.

— Ах, глупцы! — воскликнула она. — Злые, невежественные дурни.

Отшельница вскочила и выбежала из хижины. Четвертый Ли, не раздумывая, бросился следом. Позже он раздумывал, почему сломя голову побежал навстречу опасности и не мог найти ответа. Неведомая сила управляла его телом и не позволила и не оставила выбора. Он знал, что ничем не поможет попавшему в беду колдуну, но не смог остаться равнодушным.

Когда Койки Безбородый шел по тропинке, ведущей назад к волшебному полю, ему снова повстречался белый олень. Хозяин леса преградил шаману дорогу, зверь бесстрашно смотрел на человека, чье копьё нанесло ему глубокую рану. Теперь Койки видел, что это вовсе не просто животное. Глаза оленя были человеческие, осмысленные и выразительные.

— В чем дело? — спросил северянин. — Хочешь мне что-то показать?

Олень опустил голову в знак согласия.

— Хорошо, веди меня, — предложил Безбородый.

Хранитель леса сошел с дороги, шаман последовал за ним. Казалось, он сделал всего несколько шагов перед тем, как увидел запруду, к которой он и Четвертый Ли вышли, двигаясь вдоль реки. Койки взглянул на небо и заметил, что луна не сдвинулась с того момента, как он вышел из хижины. Шаман понял, что покинул плывущий мир людей и оказался в обители богов и духов. Здесь мельница вовсе не была заброшенной. Водопад низвергался мощным, но совершенно бесшумным потоком и быстро крутил колесо, украшенное яркими флажками и священной бамбуковой веревкой. Северянин приблизился к водоему, в котором отражалось звездное небо. Если не расходящиеся по запруде волны, то можно было бы перепутать звезды с их отражением. Или так и было? Возможно ли, что

небо просто невероятно большое зеркало? Койки Безбородый знал, что в камуи мосир — мире духов — возможно все.

Пока он любовался переливающимися в лунном свете волнами, звезды померкли, и в антрацитовый глубине появились образы: память, которую хранила в себе бегущая вода. Койки увидел деревянный идол. Он стоял в незнакомом, мрачном месте. Вокруг был лишь камень и пляшущие на нем тени. Рот идола и его кривые длинные зубы были перемазаны чем-то красным. Шаман понял, что это была кровь. Образ исчез, ему на смену пришел другой. Огромная движущаяся стена, сметающая все на своем пути. Стена не твердая, но постоянно изменяющаяся, пребывающая в движении. Койки понял, что это была гигантская волна, поднятая молодыми богами. Она обрушилась на побережье, проглотила его и выплюнула искаженным, надкушенным и раздавленным. Волна исчезла. Ее место заняли люди. Нищие, обездоленные и измученные. Они, спотыкаясь, брели по дорогам, падали и не находили в себе сил подняться. Некоторых Койки узнал, это были беженцы, которых он встретил по пути в столицу. Следом появились другие люди: сытые, здоровые, в богатых одеждах и при оружии. Они о чем-то спорили с безымянным жрецом. Божий слуга энергично размахивал руками, его одеяния развивались, плясал огонь на отворотах рукавов. Спорщики пришли к согласию, и крестьяне начали грузить на телеги мешки полные пшеницы. Видение исчезло, водопад остановился, и запруда вновь отражала усеянный бесчисленными огнями небосвод.

Койки обернулся и посмотрел на оленя. Хозяин леса неторопливо пошел по воде. Его копыта не тонули в ней, а мелодично стучали как по стеклу. Он остановился посреди запруды, посмотрел на Безбородого и вновь склонил голову. Он не просил и не уговаривал, но Койки почувствовал мольбу в его взгляде.

— Они не послушают меня, — сказал шаман. — Ты даешь им пищу для тела, но голодают их души. А ты, старый хранитель леса, живущий здесь с незапамятных времен, не можешь понять этот голод и утолить его. Я мог бы прогнать лживого жреца, мог бы уничтожить его идол, но это ничего не решит. Ты всегда будешь изгоем, непонятым, чуждым для них и опасным.

Олень молчал. В его глазах была невероятная, непередаваемая словами тоска и грусть. Мгновенье — и он исчез. Мельница вновь покосилась, украшающие ее флажки истрепались и потеряли цвет, а прекрасный водопад обратился в жалкий ручеек.

8

С наступлением ночи крестьяне из Ликов не вернулись домой, они ждали возвращения шамана. Яркие огни горели на границе между пшеницей и лесом. Паланкин остался на прежнем месте, на него также водрузили факелы и в их неверном свете идол выглядел еще более зловеще. Безымянный жрец расположился возле него, сидя на подножке носилок, как на троне.

— Он вернулся! зашумели крестьян. Безбородый вернулся!

И вправду, Койки, как и обещал, не попытался скрыться или убежать. Спокойно он встретился с вооруженными людьми и позволил им вновь окружить его.

— Я выполнил поручение Истинного бога, — сказал северянин жрецу. — Лесная женщина больше не потревожит вас.

Мужчины разразились ликующими криками, но жрец и староста не поддались общему веселью.

— Что скажете, мудрейший? — спросил Чхуль-Мо.

Безымянный жрец заколебался, оглянулся на своего бога.

— Я говорю правду, сказал Койки. Вы никогда ее больше не увидите.

— Нет, — жрец мотнул головой. — Он лжет, взять его!

Смех и радостные возгласы прекратились.

— Ты совершаешь ошибку, — предупредил Койки.

— Это ты ошибся, демонопоклонник, — рявкнул жрец. — Думал, что сможешь укрыться от всевидящего ока Истинного бога? Думал, я останусь слеп к тому, что ты решил сговориться с нашими врагами, вместо того, чтобы бороться с ними? Я дал тебе шанс исправиться, но ты отбросил его. Ты заплатишь и заплатишь дорого.

Опомнившиеся крестьяне схватили Койки за руки. Он не сопротивлялся.

— Связать его, — приказал безымянный жрец.

Руки шамана тотчас оказались заломлены за спину и стянуты тугими путами. Его подтолкнули к идолу, заставили сесть на землю.

— Я действительно ухожу и забираю женщину с собой, — громко повторил Койки. — Вы ничего не добьетесь, убив меня.

Жрец приблизился к нему, так, чтобы не слышали крестьяне и сказал.

— Ничего не добьюсь? Ты ошибаешься, колдун. Я добьюсь многого. С тех пор как я появился здесь, мне приходилось бороться со старыми верованиями. Выкорчевывать их как сорняки и постоянно совершать новые чудеса, чтобы в меня верили. Убив отшельницу и белого оленя, я положу этому конец. Докажу, что мой бог — истинный.

Койки уже собирался ответить, как вдруг стоящий у края леса мужчина закричал.

— Она здесь!

Отшельница выбежала на поле, выхватила из ножен свой изогнутый клинок.

— Держись, Безбородый! — крикнула она.

Зазвенела спущенная тетива, стрела мелькнула в воздухе и безошибочно ударила в грудь женщины. В полной тишине отшельница остановилась, поднесла руку к груди и нащупала древко стрелы, глубоко вонзившейся в плоть.

— Глупцы, — ее голос дрогнул, ноги подкосились, и женщина упала.

Чхуль-Мо опустил лук.

— Отлично! — похвалил жрец. — Живо проверьте, дышит она еще или нет. Добейте ее, если понадобится...

Он не договорил. Налетел внезапный порыв сильного, оглушительно ревущего ветра. Ветер вырвал лук из рук Чхуль-Мо и повалил старосту на землю. Как гигантский пресс поток воздуха кружил над полем, пригибал и ломал колосья, оглушал людей глухим воем. Крестьяне в панике бросились врассыпную, только небольшая группа людей осталась рядом с качающимся деревянным идолом. Страшилище скрипело, опасно наклонялось то в одну, то в другую сторону, но силы ветра не хватало, чтобы повалить его. Наконец налетевшая буря утихла, Курасно сделал последний круг над полем и опустился на голову идола.

— Койки! — Четвертый Ли подбежал к шаману и начал дрожащими руками развязывать путы.

Чхуль-Мо, сильно зажмурившись, вертел головой и пытался прийти в себя, безымянный жрец распластался на земле и тихо стонал. Когда суючай, наконец, справился с узлами на веревках, Койки Безбородый оттолкнул его и бросился к лесной женщине. Курасно вновь взлетел и незаметно последовал за ним.

Отшельница лежала спиной на земле, среди сломанных и потревоженных золотых колосьев. Ее растрепанные волосы переливались в лунном свете, рука крепко держалась за торчащее из груди древко

стрелы. Койки опустился рядом с ней на колени и осторожно прикоснулся к ее лицу. Женщина медленно открыла глаза.

— Жив, черногубый? — спросила она.

Шаман кивнул.

— Зря... — она глубоко вздохнула. — Зря я согласилась тебе помогать. Какая тебе от меня помощь?..

— Если бы не Курасно, я был бы мертв, — сказал шаман.

Женщина посмотрела на ворона, который устроился на плече северянина. Ее глаза расширились от страха.

— Убери его, — попросила отшельница. — Прогони его, прошу тебя.

— Койки... — проскрипел Курасно. — Ты обещал.

— Нет, — шаман мотнул головой.

Ворон не слушал его, он расправил крылья, вспорхнул и приготовился упасть на беспомощную женщину.

— Я проголодался, — голос ворона был полон ненависти. — Ты обещал!

— Нет! — Койки прикрыл собой тело девушки. — Тебе ее не получить.

Курасно заворчал, нахохлился, оцетинился острыми перьями. Его обычно равнодушные, стеклянные глаза загорелись.

— Думаешь, у тебя есть власть надо мной, Безбородый?! — взревел ворон, поднимая ураган. — Думаешь, можешь приказывать мне? Я отшвырну тебя как осенний листок, запутаю в паутине ветров и отпущу, когда завершу свою трапезу.

— Уймись! — попросил шаман.

— Не уймуся, — вновь взвыл ветер. — Пока не получу обещанного подношения.

Койки нахмурился, крепко стиснул черные губы и сказал:

— Бери его. Выпей его душу.

Когда безымянный жрец понял, что Койки говорил о нем, он взвыл от ужаса. С удивительной скоростью он бросился бежать в сторону леса — но разве можно обогнать сам ветер? Ворон набросился на него, ударил крыльями и повалил. Жрец снова закричал. Он продолжал кричать пока Курасно, устроившись на его спине, бил клювом.

Койки отвернулся. Крестьяне из Ликов сидели неподвижно, прикрывая головы руками, как будто над ними вилась целая стая хищных, голодных воронов. Северянин не обратил на них внимания. Он прикоснулся ко лбу раненой женщины. Ее тело было горячим настолько, что Койки пришлось отдернуть руку.

— Прости их, Безбородый, — попросила отшельница. — Они раньше такими не были. Это все голод...

«Нет, — покачал головой шаман. — Это не голод. Не будь голода, они все равно убили бы тебя».

Ее наивность напоминала Койки себя, когда еще совсем недавно он винил в несовершенстве людей происки древних, мстительных богов. Деревянный идол подтолкнул крестьян к убийству, но не он сделал их чудовищами. Задолго до его появления они привыкли только брать, а не отдавать. И даже сейчас не они служат идолу, а идол служит оправданием их жадности, жестокости и близорукости.

Женщина отцепила от пояса ножны и передала их Койки.

— Возьми, будет от меня хоть какая-то польза.

Северянин поднял лежащий рядом меч.

— Отпусти их, — попросил Койки. — Отпусти, потому что дальше будет только хуже. Дай людям осознать ошибку.

Сначала ему показалось, что лесная женщина не поняла его. Но потом ее глаза закрылись, она испустила последний судорожный вздох. Белон пламя вырвалось из глаз, рта и ушей и вскоре охватило все тело.

Койки отступил на шаг. Огонь рос, перепрыгивал с тлеющей одежды на пшеницу и поле воспламенилось. Испуганные крестьяне бросились к лесу.

— Нет! — крикнул Койки. — Огонь не обгоните!

Он был прав, пламя дугой протянулось по полю, отрезала путь к бегству, и мерцающей стеной встало между людьми и спасительной черной громадой леса. Спасаясь от его длинных языков, Чхуль-Мо запрыгнул на паланкин. Колдовской огонь отпрянул, как будто не решаясь приблизиться к идолу.

— Сюда! — крикнул староста. — Скорее, Истинный бог защитит нас!

Крестьяне столпились вокруг паланкина, прижимаясь к его деревянным бортам и дрожа. За ними не последовали только Койки и Четвертый Ли. Белые языки лизал их ноги, поднимался до пояса но они не чувствовали жара, который обращал пшеницу в пепел. Колдовской огонь пощадил друзей, не тронул их плоть и не воспламенил одежду.

— Идем, Четвертый Ли, — сказал Койки.

Он направился в сторону леса, и сючай поспешил следом. Когда они покинули море огня и оказались в тени деревьев, Ли обернулся. Он увидел, как среди утихающего пожара сгибаются и разгибаются спины крестьян. Они кланялись и возносили молитвы.

— Ты только посмотри! — воскликнул Четвертый Ли. — Ублюдки теперь поклоняются ей!

Он сплюнул и грязно выругался. Койки прищурился, рассматривая согнутые спины крестьян.

— Не ей, — заметил шаман. — Ему.

— Ему?! Эти недоумки продолжают пресмыкаться перед деревянным истуканом? — Ли уставился на своего спутника. — Как они

могли не поверить тебе? А что б у них кишки сгнили и через задницы повылазили!

— Не нужно так говорить. Они не хотят верить, — Койки покачал головой. — К тому же идол уцелел в огне. Возможно, они...

Над полем разнесся гул, тревожный и протяжный, как раскаты грома. Идол заговорил, без помощи жреца, без уловок и обмана. Издали друзья не могли разобрать его слов, но голос истукана был сытый и довольный.

— ...Правы, — закончил шаманы.

— Уйдем отсюда, — попросил Ли.

— Да, — согласился Койки. — С таким покровителем — я не завидую их участи.

В молчании они спутники покинули горящее поле. Углубились в лес и плутали, намеренно запутывая следы. Ни Ли, ни Койки не верили, что крестьяне устремятся за ними в погоню, но осторожность брала вверх над доводами разума.

Когда Койки вновь нашел две подходящие палки и подал Ли свой кинжал, тот не протестовал. В этот раз удача сопутствовала им. Олень — обыкновенный, серый и старый — повалился, и двух ри не протянув свой кровавый след. Койки быстро оборвал его мучения. В полном молчании они разделали тушу, развели у тихого ручья костер и поджарили на ужин мясо.

— Удивляюсь тебе, друг Койки, — признался Четвертый Ли, вдыхая соблазнительный аромат, исходящий от жаркого.

— Почему? — спросил шаман, решив не указывать в этот раз, что они вовсе не друзья.

— Ты столько говоришь о равновесии, целесообразности и бережливости, но вот посмотри, — сюцай указал на остатки туши. — Ты

оставляешь столько мяса пропадать? Ведь нам нужна была только малая часть оленя...

Шаман слегка улыбнулся.

— Вот уже несколько часов, как по нашему следу идет волчья стая, — пояснил он. — Сырое мясо насытит их, они начнут делить добычу и не станут больше преследовать нас. Ничто не исчезает бесследно, ничто не появляется из ничего. Пустоту умеет творить только человек.

Ли надолго задумался над словами своего спутника. Койки отошел вымыть руки.

— Все же я не понимаю, — признался северянин, внимательно разглядывая собственное отражение в ручье.

— Что? — спросил Четвертый Ли.

— Крестьяне... Те, кого мы встретили на дороге — голодные, нищие, бездомные. И другие, с поля, сытые и здоровые. Спроси ты меня еще совсем недавно, я уверенно бы ответил, что только обездоленный станет поклоняться деревянному идолу.

— Я тоже об этом подумал, — признал неудавшийся чиновник. — На самом деле нищий будет благодарен любой малости, а сытый примет ее как должное. И будет требовать еще, еще и еще. Ты мало знаешь людей, друг Койки. Хранительница поля тоже плохо их понимала.

— То есть... людей можно развратить добром так же, как и злом? — предположил Койки.

— Да, деятельным добром, — кивнул Ли и продолжил, повинувшись внезапному озарению. — Добром, которое делается ради добра, а не ради людей. Крестьянину нужен плуг, а не только серп и уже созревший урожай. Иначе, какой из него крестьянин?

Шаман кивнул. Он чувствовал, что многому научился за прошедший день, и был благодарен тем, кто учил его.

«Тебе предстоит встреча с подлинным, древним злом, — наставлял его старейшина Итаксир в день, когда юноша сообщил о желании покинуть деревню Нупики-Уси, — сразиться с ним на равных ты сможешь, лишь осознав природу зла».

Ручей приятно шелестел кристально-чистой водой. Койки Безбородый опустил в него руки. Вода смыла оленью кровь и унесла ее прочь. Но душу невозможно было очистить так просто.

— Белый огонь хранительницы полей мог сделать это... — прошептал Койки.

— Что? — не понял Четвертый Ли.

— Он говорит про колдовское пламя, — вставил Курасно. — Богиня дала возможность крестьянам искупить грехи. Те, кто чисты сердцем, оказались нетронуты пламенем. А те, кто не убоился огня, прошли очищение. Огонь пожрал их тела и освободил души.

Койки молча кивнул.

Ли тоже не стал ничего говорить. Он вовсе не чувствовал себя чистым или невинным и лучше других знал, что совершил в жизни немало дурных поступков. Ослушавшись отцовской воли, он покинул ненавистную учебу, считая себя неотразимым сердцеedom, он опорочил немало приличных девушек. Он воровал, мошенничал, бродяжничал. Будь в синем огне хотя бы капля справедливости — от пронырливого сюэца не осталось бы ничего, кроме горсти пепла.

Так думал Четвертый Ли.

— Между глупостью и злом — пропасть в тысячу ри, — сказал Курасно, прочитав его мысли.

— Зло творят с холодной головой, — подтвердил Койки. — Совершенные из страха или ради глупого тщеславия поступки не могут считаться подлинным злом. Потому что подлинное зло посягает на

равновесие. Фальшивый жрец был просто зазнавшимся глупцом, но идол, и те, кто поклонялся идолу — они были злом.

Ли неуютно поерзал. Ему не терпелось покинуть мрачный ночной лес и вновь оказаться на дороге. Среди таких же путников и беженцев. Он понимал, что люди являются главными источниками опасности в здешней глуши, но исходящая от разбойников агрессия не шла ни в какое сравнение с протяжным гулом, живущим внутри у трухлявой деревяшки.

— Чего мы все-таки ждем? — спросил сюцай. — Уже темнеет, а ты сам говорил, что нужно до захода солнца выйти на дорогу.

— Все ручьи бегут к рекам, — загадочно ответил Койки.

— А все реки — в моря, все моря же низвергают воды в Бездну за краем мира, — раздраженно продолжил Ли. — И что?

Койки улыбнулся.

— То, что однажды попало в воду, будет вынесено этой водой.

Шаман склонился, заприметив что-то в кристально-чистом потоке, и выловил оттуда амулет. Черный камушек в форме слезы поблескивал, болтаясь на истрепанном куске веревки. Четвертый Ли восхищенно выругался.

— Судьба порой играет странные шутки с нами, — задумчиво проговорил шаман. — Будь магатама со мной, когда мы вышли на поле — я мигом бы распознал и обман жреца, и подлинную природу лесной женщины. Я спас бы всех. Если бы я позвал Курасно раньше и не щадил крестьян, хранительница поля осталась бы жива, — заметил Койки. — Если бы я только был ловчее, не медлил, не сомневался...

— Тогда злым богом для этих глупцов стал бы ты, — заметил Ли. — Ты не виноват.

— Не виноват, — согласился шаман.

Он помолчал, глядя на заходящее солнце. Глаза Койки не моргали, и Ли не понял от чего на них выступили слезы — от яркого света или от печали. Шаман провел рукой по лицу и очень тихо добавил:

— Но в следующий раз я не усомнюсь.